

Заявление В. М. Молотова

об итогах Парижского совещания Совета Министров Иностранных Дел представителей советской печати

Ввиду вопросов, поставленных корреспондентами «Известий» и «Правды», об итогах совещания Совета министров иностранных дел в Париже, и имея в виду те толкования, которые были даны этим итогам в последнее время в других странах, Министр Иностранных Дел СССР В. М. Молотов сделал следующее заявление:

Совещание Совета министров иностранных дел в Париже состоялось в соответствии с решением Московского совещания трех министров, происшедшего в декабре месяце прошлого года. Как известно, Московское совещание, руководствуясь указаниями Берлинской конференции трех государств, приняло определенное решение по вопросу о подготовке мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией. На Парижской сессии советская делегация исходила из обязанности точного выполнения решения Московского совещания, согласно которому предусматривалось созыв конференции для обсуждения указанных выше мирных договоров после того, как будет закончена подготовка соответствующих проектов. Согласно решению Московского совещания требовалось, чтобы между правительствами Советского Союза, Великобританией, Соединенными Штатами, а в отношении Италии — также и Францией, была достигнута необходимая договоренность при выработке указанных мирных договоров. Это означает, что до созыва мирной конференции из представителей 21 государства эти правительства должны выработать согласованные между ними проекты мирных договоров. Иное понимание могло бы повести к тому, что, скажем, вместо одного проекта мирного договора с Италией были бы представлены из конференции два проекта мирных договоров с Италией. В этом случае одна группа участников конференции стала бы подписывать один мирный договор, а другая группа на участников конференции — другой мирный договор, что означало бы на деле крах идеи единой мирной конференции. Идя по этому пути, мы получили бы не одну мирную конференцию, а две мирные конференции, и стремление народов к прочному миру было бы тем самым похоронено. Неприемлемость такого положения совершенно очевидна. Поэтому советская делегация не могла согласиться с предложением делегации Соединенных Штатов Америки о назначении срока созыва конференции, независимо от предварительной договоренности при подготовке мирных договоров. Совершенно очевидно также, что это предложение американской делегации, которое поддерживалось и британской делегацией, являлось в действительности с решением Берлинской конференции и Московского совещания и вообще могло иметь самые нежелательные последствия для дальнейшего развития дружественных отношений между нациями, стремящимися к установлению прочного мира.

Потому усилия советской делегации на Парижском совещании были направлены именно на то, чтобы найти согласованные решения по основным вопросам проектов мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией и Финляндией. Следует признать, что в этом отношении достигнуты известные положительные результаты, хотя их и нельзя признать достаточными.

В результате работ Парижского совещания подготовка мирных договоров для Румынии, Болгарии, Венгрии и Финляндии, за исключением оставшихся еще не рассмотренными экономическими статьями, можно считать в основном законченной. Между правительствами, на которые возложена подготовка этих договоров, согласованы все основные вопросы: территориальные, военные ограничения, репарации и другие. Этому способствовало то обстоятельство, что, согласно предложению Советского правительства, на основу указанных мирных договоров положены условия перемирия, в которые в свое время были включены лишь основные обязательства государств-сателлитов, что полностью обеспечивает законные интересы союз-

ников, но которые не ведут к вмешательству извне во внутренние дела этих государств. Вопросы, оставшиеся несогласованными по мирным договорам с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, относятся, главным образом, к экономическому разделу договоров, который пока не был рассмотрен на Совете министров, но подвергался обсуждению в специальных комиссиях, где обнаружилось разногласие. Впрочем, такой вопрос, как вопрос о торговле и судоходстве на Дунае, затрагивающий существенные интересы придунайских государств, уже не раз обсуждался в Совете министров иностранных дел. По мнению советской делегации, этот вопрос нельзя рассматривать и решать без участия придунайских государств, если исходить из желания развивать дружественные отношения с этими странами. Вопрос о режиме судоходства на Дунае — дело, прежде всего, самих придунайских государств и его нельзя решить в мирных договорах с отдельными придунайскими государствами. Нельзя признать правильным, чтобы некоторые неадекватные государства присвоили себе право диктовать придунайским государствам свою волю и такой режим на Дунае, который не считался бы с интересами придунайских государств, особенно придунайских союзных государств (Чехословакия, Югославия).

В отношении мирного договора с Италией дело обстоит значительно сложнее. Здесь выявились разногласия по ряду основных вопросов, как, например, по вопросу о репарациях, по вопросу о судьбе бывших итальянских колоний, по вопросу об итало-югославской границе и по вопросу о Триесте и по некоторым другим вопросам.

Возьмем вопрос о репарациях. В 1941—42 годах несколько сот тысяч войск фашистской Италии вторглись на территорию СССР. Вместе с гитлеровцами они разорили столицу Советской Белоруссии, Минск, Харьков и многие другие города и села на Украине, дошли до Дона и причинили громадный ущерб нашей стране. Своим вторжением в Югославию, Грецию и Албанию итальянские фашистские войска и здесь причинили огромные бедствия. Тем не менее, считаясь с фактом свержения фашизма в Италии и признавая важность участия демократической Италии на стороне союзников в последние годы войны, Советский Союз ограничил свои репарационные требования в течение шестилетнего срока весьма скромной суммой в 100 миллионов долларов, что должно служить, по крайней мере, напоминанием о том, что не может быть беззастенчивости за агрессию и вторжение на чужую территорию. Одновременно Советский Союз отказывается от справедливости репарационных требований для Югославии Греции и Албании в сумме 200 миллионов долларов. Эти цифры показывают, что наши репарационные требования к Италии лишь в небольшой части могут компенсировать причиненный ей в годы войны ущерб. Репарационные требования Советского Союза к Италии встретили на Парижском совещании поддержку лишь со стороны французской делегации. Американская делегация и вместе с ней английская делегация не поддерживали полностью даже этих справедливых требований Советского Союза. Достаточно сказать, что делегация США предлагала включить в сумму репараций для СССР стоимость тех военных кораблей, которые предназначаются Советскому Союзу из итальянских трофеев, хотя еще на Берлинской конференции при рассмотрении германского вопроса американское, британское и советское правительства признали справедливым рассматривать военно-морской флот противника в качестве трофеев, не включаемых в счет репараций.

При рассмотрении вопроса о репарациях мы уже не первый раз встречаемся с таким положением, когда представители стран, не испытывавших вторжения врага на свою территорию, подходят к этому вопросу не так, как Советский Союз. Нельзя, в самом деле, сводить дело к сочувственным словам

в отношении пострадавших от чужеземного вторжения народов и одновременно делать призывы «забыть о репарациях». Это служило бы только новым подтверждением правильности русской поговорки, что «сытый голодного не разумеет». Между тем, известно из официальных заявлений в итальянской печати о тех громадных суммах оккупационных расходов, которые несет Италия в пользу Англии и США. Даже небольшое сокращение этой суммы оккупационных расходов, числящейся в несколько миллиардов долларов, было бы достаточно для того, чтобы Италия выполняла репарационные требования Советского Союза. С другой стороны, нам хорошо известно, что итальянская промышленность нуждается в заказах. Выполнение репарационных требований, выдвинутых Советским Союзом, предоставило бы итальянской промышленности существенные заказы на ряд лет, не составляя большой тяжести для итальянского государственного бюджета. Но почему-то с американской и английской стороны главные возражения делаются как раз против того, чтобы Италия выполняла репарации за счет товарных поставок Советскому Союзу. Заявление, что будто бы такие поставки итальянской промышленности будут происходить за счет финансирования Италии со стороны Соединенных Штатов и Великобритании, не имеет под собой никакой почвы. С другой стороны, нельзя считать правильным, чтобы итальянскую промышленность рассматривали как подчиненную интересам американских и британских промышленных кругов. У национальной промышленности Италии есть богатое прошлое и теперь для нее должны открыться новые перспективы развития. Если нам не будут мешать, Советский Союз и Италия без особых затруднений договорятся по вопросу о репарациях.

Вопрос о бывших итальянских колониях уделялось много внимания как на Лондонском, так и на Парижском совещаниях министров. Мы не стали настаивать на том, чтобы Советскому Союзу, одному или хотя бы совместно с Италией, была передана под опеку на несколько лет Триполитания, хотя это имело бы большое значение для советских торговых судов на путях Средиземного моря и полностью обеспечивало бы интересы установления национальной независимости Триполитании в короткий срок. Советский Союз, как и Франция, признали желательным, чтобы бывшие итальянские колонии перешли под опеку самой Италии, которая, став теперь демократическим государством, могла бы под руководством организации Объединенных наций выполнить задачу подготовки этих стран к национальной независимости. Это предложение вначале встретило поддержку и со стороны американской делегации, которая, однако, вскоре отказалась от этой позиции, сославшись на возражения британской делегации. Ввиду этого вопрос о судьбе итальянских колоний остался нерешенным, а уступки Советского Союза в этом вопросе не получили должной оценки и справедливого признания.

В вопросе о бывших итальянских колониях особенно бросалось в глаза, что американская и британская делегации действовали обыкновенно в порядке сговора между собой, хотя это и находилось в противоречии с законными интересами других стран. На Парижском совещании был изложен британский проект, по которому почти все итальянские колонии должны были фактически перейти под контроль Англии. Предлагалось провозгласить «независимость Ливии», включающей Триполитанию и Киренаику, но без выхода британских войск с этой территории. Предлагалось также образовать «Большое Сомали», включая в него итальянские Сомали и две территории за счет Эфиопии (Огаден и «зарезервированные территории»), поставив «Большое Сомали» под опеку Великобритании. Таким образом, колониальная империя Великобритании получила бы новое расширение своих прав в Северной и Северо-Восточной

Африке. Как видим, последнее предлагалось сделать не только за счет побежденной Италии, но и за счет Эфиопии, являющейся, как известно, членом организации Объединенных наций. Осуществление таких планов вело бы к дальнейшему закреплению почти монопольного положения Великобритании во всем огромном районе Средиземного моря и Красного моря. Эти британские планы не встретили критики со стороны американской делегации. Напротив, всякие предложения, которые казались нежелательными Великобритании с точки зрения сохранения и дальнейшего укрепления ее монопольного положения в Средиземном море, встречали решительное сопротивление не только с британской, но и с американской стороны. Вопрос об итальянских колониях остался нерешенным, а британские войска остаются и дальше хозяевами положения на ряде территорий за и на некоторых территориях Эфиопии.

Вопрос об итало-югославской границе и Триесте следует также отнести к основным проблемам Парижского совещания. Только советская делегация подержала в этом вопросе Югославию. Справедливость югославских претензий на Юлийскую Крайну никак не оспаривалась. Никто не защищал решения, принятого после первой мировой войны, о передаче Юлийской Крайны Италии. Всем было ясно, что это — часть национальной территории Югославии, что за этой территорией преобладают словенцы и хорваты. Однако, по предложению американских, британских и французских экспертов, Юлийская Крайна разделилась на две части: восточную и западную. При этом вместе с западной частью, составляющей по французскому проекту лишь небольшую часть Юлийской Крайны, отрывалась от Югославии Триест, являющийся головой всей Юлийской Крайны. Между тем, город Триест, несмотря на преобладание в нем итальянского населения, нельзя отделить от Юлийской Крайны без нарушения важных национальных интересов Югославии и без серьезного экономического ущерба для самого Триеста. Проблема итало-югославской границы осталась нерешенной. Но совершенно ясно, что она требует безотлагательного решения в духе удовлетворения национальных интересов нашего общего союзника — Югославии.

Нельзя преуменьшать значение и экономических вопросов договора с Италией. Тем более, что в других мирных договорах возникают аналогичные вопросы экономического характера. В процессе подготовки мирных договоров выявлялись тенденции, опасная для стран, ослабленных войной, поскольку со стороны англо-американского капитала имеется стремление подчинить своему влиянию экономику больших и малых государств, а так называемую экономическую помощь этим странам превратить в орудие осуществления этих целей. Мы встретились с желанием включить в договоры многочисленные экономические, финансовые и другие статьи, которые могут быть использованы сильными государствами для навязывания своей воли экономическим слабым государствам, к тому же еще не оправившимся после войны. Обыкновенно в обоснование таких предложений приводятся соображения о пользе отмены торговых и других ограничений, о предоставлении свободных действий для иностранного капитала и т. п. С другой стороны, советская делегация не могла игнорировать национальные интересы бывших государств-сателлитов, которые теперь встали на пути демократического развития и экономического возрождения. Поскольку Советский Союз не может поддерживать стремление каких-либо государств к экономическому закабалению других стран, хотя бы и бывших в первые годы войны на стороне врага. Нельзя, в самом деле, рассматривать Италию или какое-либо другое подвластное государство как какую-то колонию, где оккупировавшие державы хозяйничали бы по своему усмотрению, не считаясь с национальными интересами этих государств.

Большое внимание было уделено вопросу о создании в Италии «Договорной комиссии» из представителей Соединенных Штатов, Англии, СССР и Франции. По американскому проекту «Договорная комиссия» должна в течение 18 месяцев после заключения мирного договора выполнять такие функции, которые будут ей предписаны мирным договором в отношении различных военных вопросов, репараций, реституции, военных преступников и т. д. При этом предлагалось, чтобы Комиссия обладала как исполнительными, так и судебными полномочиями, то есть имела бы исключительное широкое право на территории иностранного демократического государства. Ее чрезвычайно широкие полномочия находились бы в противоречии с суверенитетом итальянского государства, которому после подписания мирного договора должен быть открыт путь для вступления в ряды Объединенных наций. Советская делегация считала, что создание Комиссии, как и исполнительными, так и судебными полномочиями напоминало бы что-то вроде режима капитуляции для Италии, что никак не является с принципом государственного суверенитета Италии. С нашей стороны укладывалось и на то, что, учреждение такой комиссии находилось в противоречии с предложением об облегчении условий перемирия, которые были подписаны в Париже. Не удалось договориться и по этому вопросу. Надо думать, однако, что дальнейшие размышления убедили авторов этого предложения в нецелесообразности настаивать на создании «Договорной комиссии».

Как известно, по инициативе французской делегации на совещании обсуждалась также возможность в Германии. Франция вновь настаивала на отделении от Германии Рурской, Рейнской и Саарской областей, по обсуждению этого вопроса на Парижской сессии не развинулось. С другой стороны, американская делегация предложила обсудить проект договора между Соединенными Штатами, Великобританией, СССР и Францией о разоружении и демилитаризации Германии на 25-летний срок в духе известных предложений сенатора Ван ден Берга. При этом г-н Бирнс указывал, что еще в декабре месяце прошлого года, находясь в Москве, он спрашивал Сталина об его отношении к возможности заключения такого рода договора и получил от него принципиальное согласие на это. Следует, однако, иметь в виду, что г-н Бирнс допускает здесь некоторую неточность, ибо в декабре г-н Бирнс еще не имел проекта такого договора, следовательно, не могло иметь место «согласие» Сталина с несуществующим договором, и дело ограничилось тогда только коротким обменом взглядов об идее договора о взаимной помощи на случай возобновления немцами или японцами агрессии. Между тем, представленный позже г-ном Бирнсом проект договора исключает вопрос о взаимной помощи против немцев и японской агрессии, трактуя лишь о разоружении и почему-то обходит важнейшие решения в отношении Германии, принятые союзниками в Тегеране, Ялте и Берлине, и может повести к ослаблению межсоюзного контроля, направленного на недопущение возрождения германской агрессии. В то время как ослабление такого контроля, конечно, совершенно недопустимо. Советская делегация высказалась за то, чтобы проект договора был подвергнут предварительному изучению соответствующими правительствами и чтобы решение об этом договоре не принималось вторично. Тем более, что г-н Бирнс разъяснил, что этот договор может приобрести силу только после подписания мирного договора с Германией, а в Германии, как известно, еще не имеется даже и зарплата правительства, с которым можно было бы заключить мирный договор. Вот почему советская делегация выступила с другим предложением. Она указала на то, что, прежде чем говорить о новом договоре относительно разоружения и демилитаризации Германии, следует проанализировать, как выполнялись прежние решения союзников о проведении разоружения Германии. Это предложение, в конце концов, и было принято. И теперь, контрольный пункт в Германии обсуждают практические шаги по созданию такой комиссии, которая проверила бы во всех зонах оккупации Германии, как именно на деле было проведено разоружение германских вооруженных сил за истекший период после капитуляции Германии. Надо думать, что эта проверка может точному выполнению усло-

вий капитуляции Германии и в работе дальнейших мер в интересах обеспечения безопасности в Европе.

Буквально накануне закрытия Парижского совещания г-н Бирнс внес еще один проект, — на этот раз был внесен проект о созыве в ноябре месяце текущего года конференции союзников для рассмотрения мирного договора с Германией. Это предложение было тем более неожиданным, что до сих пор ни г-н Бирнс и никто другой не внес никаких предложений по вопросу о таком мирном договоре, говоря уже о том, что не существует еще какого-либо германского правительства, с которым можно было бы заключить мирный договор. В связи с этим можно напомнить, что глава Советского правительства И. В. Сталин еще в июле месяце прошлого года внес на Берлинской конференции предложение об образовании какой-либо центральной общегерманской администрации. Другие участники Берлинской конференции высказались тогда против обсуждения этого вопроса. С тех пор этот вопрос никак не возобуждался. При таком положении естественно, что предложение г-на Бирнса о созыве конференции для рассмотрения мирного договора с Германией не могло быть принято на совещании в Париже. Этот вопрос, разумеется, также не может быть решен вторично.

О чем говорят итоги совещания в Париже?

Итоги совещания показывают, что при обсуждении проектов первых пяти мирных договоров выявились некоторые разногласия между правительствами, на которых лежит ответственность за подготовку этих договоров. При этом обнаружилось, что по проектам мирных договоров с Румынией, Болгарией, Венгрией и Финляндией, где главная ответственность, естественно, лежит на Советском Союзе, остались лишь некоторые разногласия, которые не следует преувеличивать. По проекту же мирного договора с Италией, где главная ответственность лежит на Великобритании и Соединенных Штатах Америки, остались ряд несогласованных вопросов крупного значения. И в данном случае Советский Союз сделал ряд шагов навстречу общему соглашению. Может быть, это облегчит, в конце концов, достижение такого соглашения и по этому проекту.

Парижское совещание показало, что имеются и совершенно нежелательные тенденции при подготовке мирных договоров. Выяснилось, что провозглашенное в некоторых американских кругах так называемое «наступление за мир» выражается иногда просто в желании навязать волю двух правительств правительству третьего государства. Так оказалось, например, с вопросом о судьбе бывших итальянских колоний, где Советский Союз пошел на полный отказ от своих претензий, и все же американская и британская делегации, облокотившись между собой, не дали возможности принять согласованное решение. В вопросе о репарациях с Италией мы снова встретились с англо-американским блоком, который и здесь вел не «наступление за мир», а наступление на Советский Союз. Облокотившись на Советский Союз, облокотившись на американскую и британскую делегации, облокотившись между собой, не дали возможности принять согласованное решение. В вопросе о репарациях с Италией мы снова встретились с англо-американским блоком, который и здесь вел не «наступление за мир», а наступление на Советский Союз. Облокотившись на Советский Союз, облокотившись на американскую и британскую делегации, облокотившись между собой, не дали возможности принять согласованное решение. В вопросе о репарациях с Италией мы снова встретились с англо-американским блоком, который и здесь вел не «наступление за мир», а наступление на Советский Союз.

Парижское совещание показало, вместе с тем, что попытки некоторых государств навязать свою волю другому государству встречают естественный отпор. Ни одно уважающее себя союзное государство, конечно, не допустит, чтобы ему навязало свою волю другое государство. Именно к таким государствам относится Советский Союз, который, с другой стороны, в достаточной мере показал свое стремление к согласованным действиям с другими странами как во время войны — в интересах победы союзников, так и после войны — в интересах обеспечения прочного мира и безопасности народов.

Иногда говорят, что трудно провести грань между стремлением к безопасности и стремлением к экспансии. Действительно, иногда это трудно сделать. Например, какими интересами безопасности Соединенных Штатов Америки диктуется требование военных баз на островах Исландия? Очевидно, дело здесь вовсе не в обеспечении безопасности Соединенных Штатов, а в стремлении совсем другого рода. Мировая печать переполнена сообщениями о том, что некоторые круги в Соединенных Штатах, облокотившись со своими друзьями в Великобритании, стремятся создать военно-морские и военно-воздушные базы во всех частях земного шара — на островах Тихого и Атлантического океанов, на территориях государств Западного и Восточного полушарий. Подаром в некоторых странах проповедуют нового мирового империалистического господства одного из сильных государств, получающих теперь большой вес и, не стесняясь офи-

циальным положением сенатора и депутата, трубят о своих экспансионистских планах, подстрекают к новым агрессивным войнам, легкомысленно не считаясь с уроками беславно краха империалистической Германии и ее планов насчет мирового господства. Будущее теперь не на стороне этих господ, а на стороне тех народов, которые, как и Советский Союз, стремятся к прочному миру, и интересы своей безопасности связывают с интересами безопасности других миролюбивых народов. Стремления некоторых сильных государств навязать свою волю другим народам будут иметь место и в дальнейшем, но в отношении Советского Союза, как раньше, так и впредь, они обречены на провал. Только стремления к дружественному сотрудничеству, где нет места для навязывания одному государству воли другого государства или воли двух других государств, могут служить надежной основой развития отношений между Советским государством и другими странами. Можно не сомневаться в том, что эти принципы международного сотрудничества будут получать все большее признание и в других демократических странах.

Как известно, за время войны выработался определенный порядок принятия согласованных между союзниками решений. На конференциях в Тегеране, Ялте и Берлине, как и на Московской конференции 1943 года, были приняты согласованные единогласные решения по весьма важным вопросам. Эти решения принимались не в порядке навязывания одним правительством воли других правительств, а в порядке дружественного согласия и взаимопонимания. Этот метод сотрудничества дал положительные результаты. Теперь в некоторых кругах имеется стремление сломать этот порядок, делаются все новые попытки действовать вопреки этому оправдавшему себя методу работы. На Парижской конференции предлагалось не дожидаться согласования проектов мирных договоров между правительствами, взявшимися за подготовку этих проектов. Предлагалось несогласованные проекты передавать прямо на обсуждение мирной конференции из представителей 21 государства и тем развратить споры и борьбу. Советская делегация отклонила эти попытки, ломавшие сложившиеся принципы совместной работы союзников. После Парижской конференции г-н Бирнс выдвинул новый план, лучший еще дальний. Предлагалось передать организации Объединенных наций рассмотрение проектов мирных договоров, по которым не будет достигнуто соглашение, хотя, как известно, эта организация не имеет отношения к вопросам мирных договоров. Это — еще одна попытка сломать порядок согласованной работы, установившийся в последние годы, и использовать методы нажима, угроз и запугиваний. Непосредственность этих запугиваний в отношении Советского Союза очевидна и уже доказана была много раз. Но такие попытки свидетельствуют о сильном стремлении некоторых иностранных кругов сломать установившиеся за последние годы принципы совместной работы с Советским Союзом и другими демократическими государствами и попытаться использовать в отношениях с СССР и другими странами методы, чуждые нормальным отношениям между государствами. Попытки вступить в такие дела организацию Объединенных наций уже всем известны. Такие вещи можно делать, если не считаться с риском подорвать авторитет организации Объединенных наций, утесляясь использованием новых и новых комбинаций голосов в международной организации. Примеры этого мы теперь имеем, и нельзя отрицать, что престиж Совета Безопасности уже был подвергнут серьезным испытаниям.

Все это говорит о том, что подготовка первых мирных договоров встретилась уже с немалыми трудностями. Трудности эти не случайны. В некоторых иностранных кругах существует стремление отвлечь Советский Союз с занятия по праву почетного места в международных делах и нанести ущерб международному престижу СССР. Но так могут действовать лишь близорукие реакционные круги, обремененные на провал. Им не понять того, что советское государство, вынужденное на себе главную тяжесть борьбы за спасение человечества от тирании фашизма, по праву занимает теперь такое положение в международных отношениях, которое отвечает интересам равноправия больших и малых стран в их стремлении к миру и безопасности. Защищая законные интересы Советского Союза и принципы дружественного сотрудничества с другими демократическими странами и давая отпор империалистическим реакционным кругам, откуда бы они ни исходили, — Советский Союз чувствует полную уверенность в правильности своей политики, направленной на защиту дела мира и прогресса человечества.